

1996 №5

ВСЕВОЛОД НЕКРАСОВ ОГКРЫТЫЕ ПИСЬМА НЕМЕЦКОМУ ДРУГУ

(окончание; начало см. в №№ 1, 2, 3, 4)

(Кстати, давно хотел спросить: за что у вас так любят советскую власть? Мы были тоталитарные. Вы - антитоталитарные. Откуда у вас такое почтение к ошметкам откровенно тоталитарной системы? Такое серьезное отношение к Союзу Советских писателей? Кто в "Союзе", тот и писатель, настоящий писатель... Детище Союза "Метрополь", его герои вроде Виктора Ерофеева принимаются на полном серьезе: молодого тогда человека исключили из Союза Писателей... Никто не подумает спросить - да как этот молодой человек попал тогда в этот Союз Писателей, за какие-такие литературные заслуги?

Двадцати-то с чем-то лет отроду... И кто вообще попадал в этот Союз, для чего и что он такое? Как будто Союз Советских писателей и вправду мог быть профессиональной, а не отчечно-антипрофессиональной организацией, какой он и был на самом деле. И остается. В

прежние времена этот Союз, случалось, подкармливал друзей с Запада. Теперь все наоборот, об этом нет и речи, но осталось непонятное, иррациональное уважение к Системе. Порядку. Организации. Но это же порядок навыворот, а если организация

- юбер аллес, зачем было ломать Стену? Согласитесь: Стена организует. За стену можно пустить, можно не пустить, выпустить, а можно не выпускать - степень организации повышается... Понятно, что с организацией иметь дело просто удобней. Но имейте в виду - вы дорого заплатите за это удобство. Это не вам, это с вами будут иметь дело таким образом, как им будет удобно. Как им надо. Того Союза вроде бы нет, перед вами - десяток его преемников с названиями одно другого завлекательней и демократичней. Но члены те же... Если вы здесь - всерьез, если не хотите блата и халтуры, не давайте морочить себе голову. В этой стране теперь долго нельзя будет иметь дело с организациями. И с репутациями. Только с отдельно взятыми конкретными людьми).

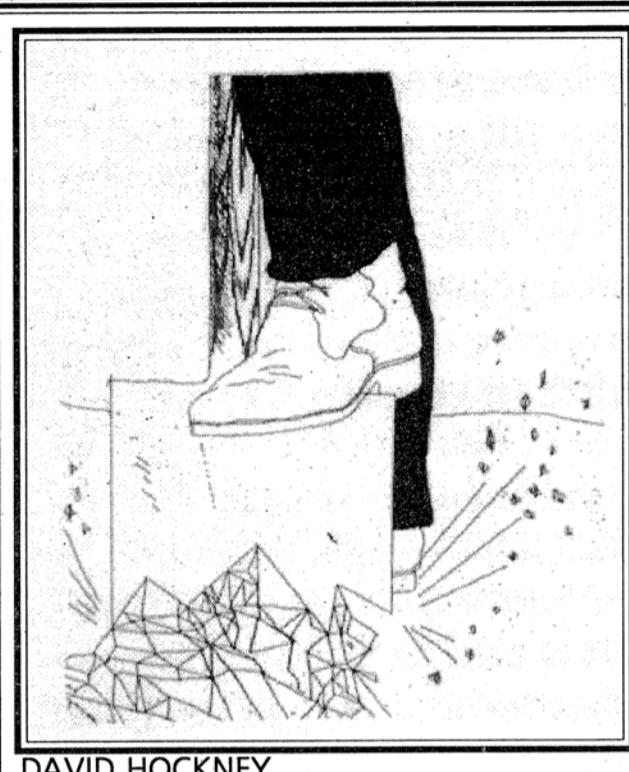
А все это я к тому, что взаимопонимание, слаженность работы систем - нашей и вашей - все-таки поражает. И там, где четкой, настоящей системы вроде бы нет, но ощущается системность - проще сказать, пахнет-таки блатными делами.

Понимаете, одно дело, когда милые, но прохиндеистые ребята, мигом схустрив, слиплись с нашей системой, нашим начальством, оборачиваются серьезными прохвостами и, живо состряпав свое особенное искусство не уметь, тела спокойно отпихивают - это еще понятно. Система блатная, и ребята, значит, блатные. Орава КЛАВА (Клуб АВАнгарда) под управлением Иоси Бакштейна. Делов-то. Когда те же ребята сваливаются на голову уже под маркой немецко-русской выставки "ИСКУССТВО", перечень германских спонсоров и кураторов которой занимает целую афишу, звука прямо-таки Пригмашром, - это уже любопытней. Тем более, когда замечаешь, что уже года три-четыре как практически все московские выставки "неофициального" искусства проходят в том же составе.

Но когда в Центральном Доме Художника аж на два месяца открывается выставка, где герои все те же, и все этих же нет, а выставку устроили, как означено, Кунстхалле Дюссельдорфа, и Музей Иерусалима, и Компания Люфтганзе, и Министр иностранных дел Республики Германия, и Министерство культуры земли Северный Рейн-Вестфалия - спасибо им - а называется выставка, как я уже говорил раньше, "РУССКОЕ ИСКУССТВО ОКОЛО 90 ГОДА" - вот тут задумашься. И потому задумашься, что выставка, в общем, неважная. Слишком блатная выставка. И потому задумашься, что все это, согласитесь, трудно понять иначе, как официальное заявление: вот каким Германия видит русское искусство около 90 года. Не шуточки. И потому еще, что, если, увидев, каким видит Германия русское искусство и заявляет об этом, шарахнется иной зритель под сень глаузуновских крестов, удивляться будет нечему.

Я писал уже: лучшей гуманистической помощи себе наши националь-патриоты и пожелать бы не могли. И придумай. Но допустим, искусство бесконечно спорно и абсолютно относительно. Полностью недоказуемо. Собственно, не на том стоят министерства и музеи, но предположим. Предположим. "Да, - скажет Кунстхалле Дюссельдорфа, - да, а что? Это для вас русское искусство 90 начинается с Булатова и Васильева, Рабина и Рогинского. А вот для нас - с медгерменевтов и некрореалистов. И еще с Пригова. Таков наш вкус, а о вкусах не спорят." Нет, серьезно, хорошо бы взять с Кунстхалле такую расписку... Отобрать особое мнение... Но вот случай, где и самое особое мнение не поможет. Тут уж не мнение, а простые факты.

Господин Вир, Вам не знакомо франкфуртское (на Майнце) издание "архива МАНИ"? По существу, это издание - фальсификация МАНИ, предпринятая ядром все той же теплой компании. Разрешите процитировать письмо, в котором я убеждаю музей Бюхума расширить состав выставки "Лианозово" сверх собственно "лианозовцев": "...Хочу вполне откровенно сказать, что не согласен с тем, как преподносится (насколько могу судить) современное здешнее искусство в Германии. По всей видимости, явно однобоко - даже в рамках круга лично знакомых мне московских художников. Попросту сказать, похоже, за это дело взялась группа личностей, достаточно мне знакомых, неплохо между собой спаянных (состав почти не меняется) и настолько энергичных, что успевают они, кажется, повсюду - заручившись солидной поддержкой немецкой стороны. Собственные успехи, видимо, команду эту так увлекают, что последнее время они взялись уже преобразовывать на свой лад не только текущую художественную жизнь, но и протекшую, состоявшуюся и даже задокументированную в архиве. Именно так. Франкфуртское (на Майнце) издание "Музей МАНИ" - это, говоря без обиняков, некоторая попытка передернуть историю. Историю совсем недавнюю - 81-85 годы. Ведь МАНИ - это архив. Реально существовавший, выпускавшийся в эти годы Московский Архив Нового Искусства, 5 выпусков, и каждый в 5 экземпляров; 5 толстенных папок, где были статьи, рисунки, объекты, фото, документация и т.д. Но где не было чуть не половины из ребят, изданных во Франкфурте-на-Майнце: они просто еще не успели выступить, написать, нарисовать чего-

DAVID HOCKNEY.
Grimm's fairytales

нибудь тогда, во всяком случае, не успели хоть как-то проявиться в Москве. Они ребята, может, и хорошие, но больно уж энергичные, согласитесь. Они нагрянули позже, и при всех (предположим) успехах попасть на тот поезд, в тот архив уже никак не могли: поезд ушел, архив МАНИ потерял смысл. Смысл был - уберечь сделанное от угрозы. После 85-го угроза стала уходить. Смысл был - уберечь до лучших времен. И, ей-богу, я, например, не знал, что лучшие времена - а) настанут сегодня, но б) лучшими - и настолько лучшими! - будут они исключительно для Пригова, для Кабакова, для Бакштейна, для Монастырского, для Кизевальтера, Гундлаха, Захарова, Коли Паниткова и Сережи Ромашко... Нé знал, хоть догадываться уже

было можно о многом... В общем, господин директор, Вы, конечно, понимаете, что архив в развитии - не архив, а что-то другое.

Новейшие приключения архива. В конце концов, почему и не назвать команду "архив МАНИ"? Есть же команда "Спартак". Но команда эта не лезет в полном составе на сцену Большого театра играть роль Спартака в одноименном спектакле. А вот команда, выступающая в данном случае под вывеской МАНИ, лезет куда угодно. Играет вот так. В настоящем же МАНИ не было столько Бакштейна, но был Раппопорт. Не было, скажем, Скрипкиной и Петренко, Ройтера, Чацкина или Лейдермана, а были Юликов и Гороховский, Андрей Абрамов, Сергей Шаблавин - называю только тех, кто вспоминается. Были оба Мироненко на тех же правах, что Гундлах, Звездочетов, "Мухоморы". Разысканий не провожу, хоть, видно, пора заняться. Был Франиско Инфанте. Был Олег Васильев, которого эта

плотная команда особенно, по-моему, боится. Был вскользь упоминаемый Эрик Булатов - а был отнюдь не вскользь, несколькими статьями. И я там был, наконец. Слава те Господи - 5 или 6 статей, около трех печатных листов общего объема... Плюс стихов строк не одна сотня. Плюс визуальные-стихи - не один десяток. Да плюс объекты. Достаточно? Смотря для чего. Чтоб быть упомянутым Бакштейном, Панитковым, Макаревичем, Ромашко в МАНИ - нет, как видите."

Итак, понятно, откуда взялось это странное, монотонно резвое новое русское искусство у нас: это все наследие проклятого тоталитаризма. Началось с "концептуализма", который ребятам захотелось выделить в цельном, чистом виде. Получилось - в куцем. Так как его упорно старались сделать новым, небывалым искусством не уметь. Иначе - блатом. Что и получилось.. Тут помогла и наука как не знать - вместе они вышли на начальство, и старая большая блатная система быстро договорилась с маленькой (тогда) новенькой. Маленькой помогли отпихнуть нашего брата (невыигрышное соседство: я умею, как Дима Пригов, и умел лет за 20 до Димы; но Дима не умеет, как я, хоть и пытался) и пустили ее в ход по всем каналам связи большой. А маленькая за это с начальством будет вести себя хорошо (мы уже навряд бы сумели) и будет неплохо изображать бяку, что тоже приятно начальству: видите, какой обезьянник это подпольное искусство, спасибо скажите, что придерживали, сколько могли... Так они и живут. Это понятно.

Но как же у вас-то, господин Вир, с кем же так ловко поладил наш блат, если не с вашим блатом, а у вас-то он откуда взялся - вы же про тоталитаризм уже и забыли... Или как раз в этом и дело? А не кажется вам, что не худо бы наладить и скординировать службы защиты от мафии в искусстве? От русской - в Германии, от немецкой - в России? Что скажете?

А я бы сказал так. Я действительно не верю ни в какие "заговоры" против русского искусства (а меня так и спросили: это что же - заговор? Спросили на лекции в Бонумском университете). Не верю, хотя и понимаю, что спорить с теми, кто такие заговоры подозревает, становится все сложнее. Не верю уже потому, что знаю: если бы и были какие-то заговоры, они бы не имели значения. Зато значение имеет заговор, который есть всегда: заговор шариков на доске. Стол покосился - и они все в одну сторону, на нижний уровень. Как говорили. Всегда есть или может быть заговор недоискусства против искусства. Доработаться до искусства, до себя - надо труда и времени. А есть пути легче: договориться. Что недоискусство - оно искусство и есть. И наоборот. И при каких-то условиях такой потенциальный

перманентный заговор действительно реализуется в говорах. Когда молчаливый, когда под фанфары "науки".

Неудачно, что сложились такие обстоятельства, когда две пары, две стороны - искусство/наука в России/в Германии - взаимно и перекрестно словно бы работают на минус, на ущерб, на порчу дела. Что-то в таком роде бывало и раньше: до концептуализма образца Бори Гройса так же неудачно для обеих сторон путешествовал туда-сюда через границу небезызвестный большевизмус. Но ведь есть и иные примеры. Честно сказать, я не знаток в философии. Я смотрю, и философия искусства, и все прочие науки здесь дружно обошлись без меня - и я спокойно плачу им тем же. Но даже я знаю, например, что для русского искусства, русской литературы был Шеллинг. Он-то и не велел науке распоряжаться искусством. От лица науки...

Я неплохо помню войну, и мне, как и многим, чем дальше, тем больше война представляется не так смертельной схваткой двух стран, как общей бедой двух стран. А победа - победой-помощью. И ответная волна помощи - все послевоенные десятилетия Западной Германии, ее противостояние советскому тоталитаризму. На этой волне - и помощь нашей "подпольной" литературе и искусству. Помощь Казака и Аймерхера, тех же Хирта и Вондерса. Пришел черед и вашей победе. Тоталитаризм в прежних формах рухнул, стало безопасней, и литературу-искусство стали прибирать к рукам, смотрю, у вас совсем другие какие-то люди. Конечно, одно дело - война, другое - волна; одно дело - волна, другое - капля. Пускай и так. Но очень бы хотелось ответить на быту серьезную помощь помочь хоть самой небольшой: думаю, как там ни расценивать это наше русское искусство, а не зря же оно не давалось в управу 40 лет. У нас свежий пока навык держать ухо востро и остро реагировать на тоталитарные повадки. Может пригодиться. Станет чище воздух в одной стране, чище станет и в другой.

С уважением
Всеволод Некрасов

(Направлено Норберту Виру, редактору эссеистического журнала "Schreibheft", в феврале 1994.)